

V. VON FALKENHAUSEN.
UNTERSUCHUNGEN ÜBER DIE BYZANTINISCHE
HERRSCHAFT IN SÜDITALIEN VON 9. BIS INS 11. JAHRHUNDERT.
Wiesbaden, 1967, S. XI+210

Локальные исследования в последние годы занимают заметное место в византиноведческой тематике, и это вполне естественно: несмотря на централизаторские тенденции, местные особенности никогда не были начисто стерты в византийских провинциях. Они сохранялись, по всей видимости, особенно устойчиво в окраинных провинциях — на востоке, где армянское население было весьма значительным, в болгарских областях и, конечно, в византийской Италии. Правомерность выделения византийской Италии в качестве особого объекта исследования оправдывается еще и тем обстоятельством, что для этого района существует сравнительно многочисленный документальный материал, с которым сопоставим, пожалуй, лишь архив афонских монастырей.

В. фон Фалькенхаузен рассматривает различные моменты истории византийской Италии. Политическая история, хотя и не является предметом детального анализа, все же излагается, ибо без нее, разумеется, трудно понять те изменения, которые переживала византийская административная система в Южной Италии. Не входя в специальное рассмотрение этих разделов, я хотел бы только отметить, что работа А. А. Васильева «Византия и арабы» (ч. 1 и 2. СПб., 1900—1902) не использована и даже не упомянута, хотя она содержит тщательный анализ внешней политики Византии в Сицилии и Южной Италии.

Проблемы социально-экономической истории Южной Италии почти совсем остались вне поля зрения исследователи, и соответственно работы М. Л. Абрамсон на эту тему ей, по-видимому, неизвестны¹. Лишь в небольшой главе останавливается Фалькенхаузен на структуре южноитальянского города (стр. 132—146). И как раз в этой главе она поднимает ряд важных для византияста вопросов, хотя их решение не всегда бесспорно.

Фалькенхаузен начинает с терминологии города, показывает, что в Италии X—XI вв. официальным наименованием города стало *кастрон*, и предполагает, что и в остальных частях Византии только Константинополь и большие города именовались полисами, тогда как основная масса городов определялась в деловых документах только как *кастроны* (стр. 132 и сл.). Это интересное наблюдение нуждается в уточнении, так как термин «кастроны» отнюдь не имел столь строгого значения, как это представляется немецкой исследовательнице: Солунь, которую называли полисом², в других случаях считали *кастроном*³. Напротив, термин «кастроны» мог прилагаться и к сельскому поселению: село Петрич названо «кастроны, или деревня»⁴; в селе Стенимах имелось два *кастроны*⁵; по-видимому, не был городом и *кастроны* Аэотос, пожалованный вместе с деревней Чехова монастырю Спасительницы мира⁶. И документы из Италии норманского времени, как отметила сама Фалькенхаузен (стр. 134), употребляли термины «кастроны» и «полисы» в качестве синонимов.

Исследовательница останавливается на методах основания городов. Здесь особенно интересен материал, почерпнутый из хроники *Tres Tabernae*, где говорится об основании Канцаро: оказывается, стратиг должен был предложить императору на выбор три места для построения нового города, а окончательное решение принимала далекая от Италии столичная канцелярия (стр. 135 и сл.). В параграфе о внешнем облике города обращают на себя внимание два наблюдения: редкие упоминания бань (за исключением Неаполя) и отсутствие ипподромов (стр. 139 и сл.).

Особенно существен, на мой взгляд, параграф о социальной структуре южноитальянского города (стр. 140—143). По мысли Фалькенхаузен, греческие источники

¹ См., например; М. Л. Абрамсон. О состоянии производительных сил в сельском хозяйстве Южной Италии (X—XIII вв.). Земледелие. — СВ, 28, 1965, стр. 18—37; *её же*. Вотчина в Южной Италии IX—XI вв. — «Византийские очерки». М., 1961, стр. 137—173; *её же*. О роли арендных отношений в социально-экономическом развитии Южной Италии (IX—XI вв.). — «Из истории трудящихся масс Италии». М., 1959, стр. 3—46; *её же*. Крестьянство в византийских областях Южной Италии. — ВВ, VII, 1953, стр. 161—193.

² G. Rouillard, P. Collomp. Actes de Lavra. Paris, 1937, № 1. 4 (897 г.).

³ А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока, т. I. Киев, 1895, стр. 698.29.

⁴ S. Kauchtschischvili. Typicon Gregorii Pacuriani. Thbilisii, 1963, p. 24.10.

⁵ Ibid., p. 24.20—22.

⁶ L. Petit. Typicon du monastère de la Kosmosotira près d'Aenos. — ИРАИК, 13, 1908, стр. 52. 29—30. О классификации поселений в Византии см. также А. Carile. Partitio terrarum Imperie Romanie. — «Studi Veneziani», 7, 1965, p. 227. О дискуссии относительно терминологии болгарского города XII—XIV вв. см. теперь: Л. В. Горина. Некоторые вопросы терминологии средневекового болгарского города. — «Советское славяноведение». Минск, 1969, стр. 580—585, где даны ссылки на более ранние работы С. Лишева и П. Коледарова.

разделяли южноитальянское население на архонтов, священников и народ, тогда как латинские документы сохраняли лангобардский принцип социальной стратификации: *maiores, mediani, minores*. Если это наблюдение верно, оно ставит перед исследователями большую проблему. Дело в том, что византийские авторы лишь крайне редко применяли типичную для Запада трехчленную формулу: знать — духовенство — народ⁷, тогда как разделение на «больших» и «малых» (с включением иногда «средних») было здесь типичным. По-видимому, совпадение последнего принципа с лангобардским либо случайно, либо объясняется римским влиянием на лангобардское право; выделение же в составе южноитальянского населения знати, духовенства и народа в какой-то мере является уступкой западным социальным принципам.

Фалькенхаузен отмечает также наличие незначительной прослойки рабов в Южной Италии. Для характеристики их положения она использует известное завещание XI в. из Стило, которое было предметом моей заметки⁸, но эта работа, как и другие написанные по-русски исследования, осталась ей неизвестной.

Основная часть рецензируемой книги посвящена административному устройству византийской Италии. Сюда, помимо очерка истории административного деления (стр. 3—73), характеристики провинциального управления (стр. 103—131) и церковной администрации (стр. 147—157), относятся список наместников южноитальянских провинций (стр. 74—102) и регесты оставленных ими актов (стр. 161—191).

Развитие административной системы Южной Италии представляется в следующем виде. В середине VIII—IX в. существовала фема Сицилия, к которой примыкали дукаты Калабрия и Идрунт (Отранто). Существование последнего засвидетельствовано лишь печатью Иоанна, дуки Идрунта⁹, которую Фалькенхаузен относит не к концу IX в., как издатель печати В. Лоран, а к середине VIII в. (стр. 7 и сл.). Что же касается дуката Неаполя и княжества Беневент, то они были самостоятельными, хотя и вассальными от империи государствами. Византийское наступление в Южной Италии приводит к образованию новой фемы — Лангобардия (Лонгивардия) около 891/2 г. (стр. 23)¹⁰. Фалькенхаузен принимает гипотезу Н. Икономидиса о том, что Лангобардия была первоначально турмой фемы Кефалония, а затем выделилась из состава этой фемы¹¹.

После потери византийцами Сицилии образовалась (между 938 и 956 г.) фема Калабрия — на месте прежнего дуката (стр. 28). Около 969 г. возник катепанат Италии; он был задуман в связи с грандиозными завоевательными планами Никифора II, но практически ограничился территорией фемы Лангобардия. Что же касается Калабрии, то она сохранила самостоятельность (стр. 48—50; ср. стр. 63, 104). Любопытное сочетание катепаната Италии с независимой от него фемой Калабрия может в какой-то мере пролить свет на спорный вопрос об административном устройстве болгарских областей в XI в., где мы также встречаем административные единицы разных категорий (катепанаты, фемы и т. д.).

Весьма плодотворной кажется мне трактовка вопроса о возникновении дуката Италии около 1051 г. (стр. 58—61). Фалькенхаузен рассматривает традиционные оценки деятельности Маниака и Константина IX и показывает, что пребывание Маниака в Италии не только не принесло успехов, но и вызвало недовольство местного населения, тогда как Константин IX осуществлял реалистическую политику и добился поддержки барийской знати в лице Аргира, сына Мелита.

Привлечение нового источника — жалованной грамоты Евстафия Скепида от 1042 г. — позволило исследовательнице поставить вопрос о существовании фемы Лукания, возникновение которой Фалькенхаузен относит примерно к 1035 г. (стр. 65—68). А. Гийу, статью которого Фалькенхаузен уже не успела использовать, датировал возникновение фемы Лукания примерно 975 г.¹²

При характеристике провинциального управления исследовательница также делает ряд важных наблюдений, например о краткосрочности пребывания наместников на их посту (стр. 104) или о том, что наместники (стр. 108) и финансовые чиновники (стр. 131) — в отличие от судей — назначались обычно не из местного населения. Она

⁷ См. А. П. Каждан. Византийский публицист XII в. Евстафий Солунский. — ВВ, XXVIII, 1968, стр. 62.

⁸ А. П. Каждан. Об одной южноитальянской грамоте XI в. — СВ, XVII, 1960, стр. 319 и сл.

⁹ V. Laurent. Les sceaux byzantins du médaillier Vatican. Città del Vaticano, 1962, № 108.

¹⁰ В связи с успехами Василия I в Южной Италии Фалькенхаузен упоминает недавно изданную Ф. Бабудри надпись из Бари, которую она связывает со строительной деятельностью императора Василия (стр. 24, прим. 173). Атрибуция этой надписи Василию I была поставлена под сомнение Э. Фольери в аннотации на издание Бабудри (BS, 24, 1963, p. 364). См. о ней теперь А. Guillou. Studies on Byzantine Italy. London, 1970, N VIII, p. 1—22.

¹¹ N. Oikonomidès. Constantin VII Porphyrogénète et les thèmes de Céphalonie et de Longobardie. — REB, 23, 1965, p. 122 sq.

¹² См. А. Guillou. La Lucanie byzantine. — Byz., 35, 1965, p. 133.

убедительно полемизирует с Э. Арвейлер, утверждая, что в X в. *κρίτης θεματικός* отнюдь не сосредоточил в своих руках гражданского управления (стр. 115) и заместники выполняли гражданские функции (стр. 105). Зато мне представляется сомнительным утверждение Фалькенхаузен, будто один *κρίτης* соединял в своих руках несколько фем (стр. 114): приводимые ею примеры (Фракия и Македония, Эллада и Пелопоннес) относятся к единым административным комплексам, хотя и носившим двойное название.

Для нашего читателя очень интересно замечание о славянских общинах у Монте Гаргано, управлявшихся собственными жупанами (стр. 129).

Просопографический материал списка заместников Италии несомненно полезен, хотя и допускает кое-где дополнения и поправки. Например, Георгий Карамал был не эпархом (стр. 97), а эфором; Василий Кладон (стр. 98), по-видимому, идентичен одноименному стратигу Стримона¹³.

А. К.

НОВЫЕ КНИГИ О КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Еще совсем недавно вышло второе издание книги Р. Жанэна о Константинополе¹, а византийская столица продолжает привлекать внимание исследователей. Наряду с общими — более или менее популярными — трудами² появилось во второй половине 60-х годов и несколько специальных исследований. Отмечу прежде всего любопытную книгу Э. Фенстера³. Предмет исследования автора — восприятие Константинополя в византийской риторике, начиная с Фемистия и кончая плачами о падении города в 1453 г. Конечно, эпитеты, которыми византийские ораторы награждали свою столицу, становились клише, стереотипами («царственный град», «богохранимый град», «око и сердце земли» и пр.), однако история этих стереотипов в какой-то мере отражает историю имперской идеологии. Когда в IV в. Фемистий вводил понятие «царицы-города» и «второго Рима» (наряду с «очагом муз» и «городом красоты»), это было риторическим обоснованием привилегий новой столицы и в том же направлении развивалась мысль церковных деятелей, когда на 2-м Вселенском соборе 381 г. Константинополь был объявлен «новым Римом» (тем же кругом идей руководствовался и Григорий Богослов). В VII в. (у Георгия Писиды) появляется эпитет «богохранимый град», что Фенстер связывает с конкретным событием — спасением Константинополя от аварской осады в 626 г. (стр. 100—104) — и что, на мой взгляд, отражает более общие перемены: проникновение библейской фразеологии в официальную лексику. Песелл вводит новый эпитет «небесный град», и Фенстер понимает его как выражение представления о Константинополе как единственном возможном месте обитания (стр. 136 и сл.). Не менее интересна и критическая позиция по отношению к Константинополю, которая, по мнению Фенстера, присуща Димитрию Кидонису (стр. 228—232).

Совсем другой характер носит работа Р. Гийана⁴. Это сборник его статей, опубликованных ранее в разных журналах и посвященных различным моментам константинопольской топографии, главным образом X в. Книга разделена на три части: первая посвящена Большому дворцу, вторая — Ипподрому, а третья — отдельным улицам, площадям и строениям. Статьи рассматривают частные моменты топографии Константинополя, и сборник, хотя он и снабжен довольно смелым планом Большого дворца и Ипподрома, отнюдь не претендует на создание целостного представления.

Топография Большого дворца — старая тема, которая в последние годы вновь привлекает ученых⁵. Дело, видимо, в том, что археологические раскопки⁶ позволили

¹³ См. P. Lemerle. *Philippe et la Macédoine orientale*. Paris, 1945, p. 141.

¹ R. Janin. *Constantinople byzantine*. Paris, 1964.

² См., например: D. Talbot Rice. *Konstantinopel. Goldene Stadt am Bosphoros*. Frankfurt a. M., 1966; M. Maclagan. *The City of Constantinople*. London, 1968; D. A. Miller. *Imperial City*. Chichester, 1969. Сюда можно прибавить и вышедшую несколько раньше книгу: Ph. Sherrard. *Konstantinopel. Bild einer heiligen Stadt*. Olten, 1963 (английский перевод: *Constantinople. Iconography of a Sacred City*. London, 1965).

³ E. Fenster. *Laudes Constantinopolitanae* («Miscellanea Byzantina Monacensia», Н. 9). München, 1968.

⁴ R. Guillard. *Études de topographie de Constantinople byzantine, I—II*. Berlin, Amsterdam, 1969.

⁵ См., в частности, S. Miranda. *Les palais des empereurs byzantins*. Mexico, 1964; *idem*. *Autour du Grand palais des empereurs byzantins*. Mexico, 1968. С. Миранде принадлежит и план, приложенный к книге Гийана и в некоторых частностях расходящийся с текстом книги. Об отдельных частях Большого дворца см.: C. Mango. *The Brazen House. A Study of the Vestibule of the Imperial Palace of Constantinople*. København, 1959; A. Hermann. *Porphura und Pyramide*. — «Jahrbuch für Antike und Christentum», 7, 1964, а также ряд статей Гийана, не вошедших в сборник (их список см. т. I, p. VIII).

⁶ О раскопках в Стамбуле см. D. Talbot Rice. *The Great Palace of the Byzantine Emperors*. Edinburgh, 1958.